

Технологии жизни

Центр Шнайдера в Израиле - одна из лучших онкологических клиник в мире. Здесь излечивают людей, которых в российских больницах считают безнадежными, а сам рак называют хронической, но не смертельной болезнью. Причем излечивают наши же врачи, советские эмигранты. Почему же их коллеги, оставшиеся в России, не могут делать то же самое?

Доктор Игорь (в центре) считает, что врачи не в праве решать судьбы больных. Они должны помочь им справиться с болезнью, а их судьбу решит Всевышний.
Фото: Юрий Козырев/NOOR

По паспорту Израиль Иванович - Александрович. Иванычем его прозвали еще в СССР, откуда он уехал в Израиль в конце семидесятых. Сейчас для местных он доктор Левин, а для выходцев из России - по-прежнему Иваныч. Израиль Иваныч всемогущ. По моим наблюдениям, просьбы поступают на его мобильный телефон каждые полчаса. "Але-о-о!" - отзывается он, внимательно слушает и в конце дает быстрый ответ: - Хорошо, я это организую". Для меня он организовал "экскурсию" по закрытым для журналистов онкологическим клиникам страны. Немного подумав, я тоже стала называть его "Иванычем".

В прошлом Израиль Иваныч - директор больницы и участник спасательных операций армии Израиля. А еще он разбирал завалы и оперировал в Армении после землетрясения 1988 года. "Самое натуральное разгильдяйство: в блочных домах отсутствовала сварка в положенных местах! - ругается он, ведя машину по пустыне Негев. - Ах, нечистая сила!" ("нечистая сила" и "сионисты" - его любимые ругательства; правда, второе, в отличие от первого, он произносит с какой-то нежностью). Сейчас Израиль Иваныч руководит компаниями, занимающимися медицинским туризмом, рядом фармацевтических предприятий и издательством (www.alishech-vnc.com[1]).

Как хорошо информированный турист, я заранее знаю, что мне сейчас покажут: продвинутые технологии и на зависть высокий уровень медицинского обслуживания. В общем, меня ткнут носом в то, как "у них там все хорошо", и я, как человек оттуда, где все плохо, постараюсь понять, чего не хватает нам.

- У вас концепция неверная, - говорит Израиль Иваныч. - Израиль сегодня - сверхдержава в хай-теке. А что такое хай-тек в Израиле? Это израильский менеджер и русский инженер. Из России мы получаем самых качественных людей.

Себя Израиль Иваныч тоже считает качественным экспортным продуктом. И на свою жизнь в России не жалуется. Говорит, только однажды пожаловался - когда не поступил в институт. Потому что совсем не знал предмета, который сдавал. Тогда Израиль Иваныч объявил, что его "срезали", потому что он еврей. "А что, я должен был сказать, что я идиот?" - спрашивает он сейчас, когда рассказывает эту историю как анекдот.

Из Тель-Авива мы едем в гости к Маше - человеку, на собственном опыте познавшему разницу подходов к человеческой жизни. Маша из Питера, занималась "Гербалайфом", заболела раком, обнаружила болезнь на четвертой стадии и... излечилась. В Израиле, конечно.

Маша уже год в Израиле. Сняла квартиру под косметологический салон, ведет курсы обучения косметологов. Мы пьем чай в гостиной. За столом - сама Маша, ее муж Леша и шестилетний сын Денис. По Маше не скажешь, что недавно она перенесла химиотерапию.

Она рассказывает: сначала заболела рука - "не сама рука, а кость". Врачи в частной клинике предложили мануальную терапию и иглоукалывание. Через два месяца стало ясно: деньги потрачены, а боль осталась. Вскоре она перекинулась на позвоночник, и Маша начала принимать обезболивающие. Когда таблетки перестали помогать, она поняла, что прятать голову больше некуда - "дальше только асфальт", и сделала снимок руки. Врач-рентгенолог вышел к ней в коридор: "Я не могу с вами разговаривать, поговорите с нашим главврачом". Главврач и сообщил: злокачественные опухоли, метастазы в костях.

В очереди на первый прием к онкологу Маша просидела три часа среди женщин, потерявших волосы после химиотерапии. "Представляешь, Марьяновна умерла! А ведь только вчера чай пили..." - "А вчера Наташу увезли..." - "Вот посидим немного, и нас тоже увезут", - шептались в очереди. Маша представила себя без волос, с темными кругами под глазами и заплакала.

- С чем мы столкнулись... - начинает Леша и долго смотрит в сторону. - В государственной больнице посылают нас на рентген, а там говорят: "Очередь. Приходите через месяц". Как через месяц?! От этого же жизнь зависит! Сделали платный рентген. Посылают на томографию. Снова очередь, снова приходите через два месяца... И так с каждым анализом - живым не уйдешь... Я ходил, договаривался с врачами - четвертая стадия, срочно нужна химиотерапия! А мне отвечают: "Очередь"...

Маша подала документы на выезд в Сохнут, израильское агентство по репатриации, - у нее мама еврейка. Леша объяснил, что у Маши рак. Израиль принял их через восемь суток. И началось то, что поражало их ежедневно в течение многих месяцев. Я заметила, когда речь заходит о России, Маша с Лешей говорят: "С чем мы столкнулись", а когда об Израиле: "Что нас поразило". Поразило то, что рядом сразу оказалось много людей, не просто готовых, а действительно хотевших помочь. Им нашли квартиру и "наташили" в нее всего, включая вилки и ложки. В больнице поразили мягкие удобные стулья в регистратуре, женщины в париках. К Маше подошел мастер по изготовлению париков и предложил ей выбрать любой - он тоже когда-то перенес рак и теперь бесплатно снабжает пациенток париками.

- В питерских больницах угнетала сама обстановка, - говорит Маша. - И медсестры. Самое ужасное, что им действительно все равно.

Машу положили в отдельную палату, а там - плазменный телевизор, телефон. Нажимаешь на кнопку - прибегает медсестра.

- А в Питере зовешь, зовешь, а ей некогда: она курит, - вспоминает Маша.

Помимо кровати в палате был раскладной диван, на котором могли отдыхать родственники. Кормили три раза в день и ее, и Лешу - приносили меню. В день поступления в клинику к Маше пришел соцработник и спросил, не нужен ли ей помощник, который будет убирать у нее дома и ходить за покупками, пока она сама в больнице. Но самым поразительным для Маши с Лешей было то, что денег за лечение с них не взяли - все оплатило государство.

Сначала Маша, как и любой наш человек, отнеслась ко всему настороженно - слишком уж все было хорошо. А потом привыкла. В России, по ее словам, главная проблема лечения онкобольных заключается не в дефиците кроватей и кнопочек, а в отсутствии обнадеживающего оптимизма:

- Окружающие просто ставят на тебе крест или, по глазам видно, начинают жалеть, - говорит она. - А здесь рак - это болезнь, которую надо вылечить, а потом о ней забыть.

Детский центр

По дороге в Петах-Тикву, в Детский медицинский центр Шнайдера, где лечится примерно шестьдесят процентов онкологически больных израильских детей, Израиль Иванович снова вспоминает нечистую силу. На этот раз он ругает российских академиков, а заодно и всю отечественную систему ротации кадров.

- В России была сделана благословенная попытка убрать семидесятилетних академиков, - кричит он. Израиль Иванович всегда разговаривает громко и того же требует от других: во время службы в армии от близкой автоматной очереди у него лопнула барабанная перепонка. - Я знаю по крайней мере троих академиков - маразматиков в чистом виде. Пришел я как-то к одному из них, а он мне: "Ты кто?" Как это - кто я?! Мы три недели с тобой вместе сидели, обсуждали мою диссертацию. Не помнит. Иди, говорит, к научному секретарю. А тот мне: "Ты зачем к нему пошел? Он своего имени не помнит! Ваня у него Вася, Коля - Петя..." И этот человек - номер один в своей области! Больных ведет! Вот этого здесь нет вообще. Даже самый удачливый профессор в шестьдесят семь уходит на пенсию - уступает дорогу молодым.

"Молодой", претендующий на место профессора, - это врач как минимум сорока семи лет: после армии нужно закончить мединститут, пройти интернатуру, наработать стаж в нескольких отделениях больницы, пройти двухлетнюю специализацию за границей - только тогда ты сможешь называться настоящим врачом.

- Мы устраняем человеческий фактор где только можем, - говорит Израиль Иванович. - У нас все записано, все вносится в компьютер, все критерии определены заранее. То же самое касается распределения общественных фондов. Социальный работник проверяет возможности каждого пациента: вдруг он миллионер, зачем тогда оплачивать ему такси до больницы?

- А государство выделяет соцработника ради самого пациента или ради сокращения расходов? - громко спрашиваю я.

Услышав мой вопрос, Израиль Иванович отрывается от дороги, поворачивается в мою сторону - мне начинает казаться, что сейчас он назовет меня "нечистой силой".

- Это не сокращение расходов, а эффективное расходование общественных средств! - кричит он.

В центре Шнайдера профессор Пресс на плохом русском спрашивает, на каком языке я предпочитаю говорить: "На русском, английском или на жидовском?" Пока секретарь расставляет на столе в его кабинете чашки, кофейники и вазочки с печеньем, я изучаю этого высокого худого и очень серьезного профессора, силясь понять: "жидовский" - это такая шутка или плохой русский?

Из дальнейшего разговора я узнаю, что лечение в центре ежегодно проходят 157 детей с онкологией - только из Израиля, и уровень "вылечиваемости" очень высок. Здесь спасают почти 75% детей с лейкемией. Для каждого ребенка подбирается индивидуальное лечение в соответствии с его генетическими особенностями, а в палатах создается особая циркуляция воздуха, убивающая бактерии. Вершина всего - аппаратура, позволяющая определять единичные раковые клетки. Наконец, профессор Пресс сообщает, что центр Шнайдера - одна из лучших детских клиник мира. И я ничуть в этом не сомневаюсь. Спрашиваю:

- Как долго живут пациенты, прошедшие у вас лечение?

- От пяти до двадцати пяти лет, - отвечает он. - Но у нас пока нет статистики. Есть пациенты, которым удаляют опухоль и они навсегда забывают о болезни, только проходят регулярную проверку... Каждому ребенку, достигшему пяти лет, мы говорим, что это его болезнь, поэтому он сам должен бороться. Врач не бог, а всего лишь его посланец.

- А сами вы как расцениваете этот заболевание?

- Как хроническую болезнь. У нас нет такого понятия, как "конец". Мы делаем для больного все: если не подходит один вариант лечения, подбираем другой. И люди с метастазами живут двадцать - двадцать пять лет: рожают детей, путешествуют, радуются жизни.

За все время беседы профессор Пресс ни разу не улыбнулся, и я делаю вывод: "жидовский" - это не шутка.

Холл центра - огромное, высотой в пять этажей помещение, наполненное солнечным светом, проходящим через стеклянный потолок и отражающимся от белого мраморного пола. С потолка свисают гирлянды бумажных цветов, фигурки людей, зверей и целые стаи журавлей. Окна палат выходят и на улицу, и в холл - лежащие дети не должны чувствовать себя запертыми в четырех стенах.

В углу, рядом со стеклянным лифтом, стоит большой деревянный пингвин. Ассистент профессора Пресса доктор Виленски, эмигрировавший с родителями из Советского Союза в столь раннем детстве, что русского вообще не помнит, останавливается возле пингвина и начинает рассказывать мне о тонкостях пересадки костной ткани мозга. Доктор Виленски - полный пожилой человек с брюшком и маленькими глазками. В костной ткани я ничего не понимаю, но нахожу сходство между доктором и пингвином.

В онкологическом отделении я заглядываю через стеклянные перегородки в палаты. В одной женщина берет на руки кудрявого младенца в полосатых ползунках. В другой - на кровати девочка лет пятнадцати, у нее бритая голова и тонкие брови.

- Шалом, - тихо говорит она.

Мони чувствует себя нормально. В следующем году планирует вернуться в школу. В центре она уже несколько месяцев. Нет, пока не вылечилась. Мони разговаривает почти шепотом.

В детской реанимации плачут младенцы. В коридоре суэта - нескончаемый поток врачей и медсестер. В палатах можно увидеть самых маленьких. Доктор Виленски говорит, что здесь делают пересадку сердца даже недоношенным. Большим и указательным пальцами он показывает размер сердца - оно не больше спичечного коробка. Перегородки, за которыми сидят врачи, похожи на огромные цветные кубики. Цена медицинского оборудования на одного ребенка - двести тысяч долларов. Стоимость одного дня пребывания в стационаре - две тысячи долларов. За все платит государство.

- Лучшее вложение денег, - смеется доктор Виленски, показывая через стекло на недоношенного младенца в инкубаторе. - Государство вкладывает в будущее трудовое население.

- Он только родился, а государство уже потратило на него пятьдесят тысяч долларов, - поясняет Израиль Иванович. - У нас есть закон об обязательном медицинском страховании. Нет такого, чтобы за анализы платить...

Мы выходим во двор. В ушах еще звучат крики младенцев и назойливый пульсирующий звук, издаваемый приборами. На зеленом газоне пациенты и их родня устраивают под пальмами пикники. В центре газона - голубая статуя женщины с зонтиком, а чуть поодаль зеленый люк, вход в бомбоубежище. Люди в больничной одежде прогуливаются по дорожкам, катя за собой капельницы, из которых им в вены вливается "химиотерапия".

Израиль Иванович останавливается перед памятником, изображающим круги, уходящие в самих себя.

- Современное искусство... - неопределенно говорит он.

Диагноз

- Если бы я знал, что придется с вами говорить, надел бы красивую рубашку, - Эдуард двумя пальцами оттягивает рубашку на груди.

В холле онкологической больницы в Петах-Тикве голубые кожаные кресла в два ряда - для пациентов, проходящих химиотерапию. Эдуарду лет пятьдесят. У него светлые кудрявые волосы, загорелое лицо и голубые глаза. В 90-х он эмигрировал в Израиль с Украины. "Это" - рак кишечника - случилось с Эдуардом совсем недавно, в июле. Его прооперировали. А теперь опухоль обнаружилась в печени. Возможно, она доброкачественная. Доктор Улицкая, лечащий врач Эдуарда, сегодня обещала сообщить точный диагноз.

- А что вы хотите знать? - обращается он ко мне. - Не испытал ли я "русских эмоций"? Не за-ще-ми-ло ли? Можете себе представить, защемило... Но почему я должен думать о плохом?

- У нас нет даже мысли! - громко говорит сидящая рядом крашеная блондинка, жена Эдуарда. - Все будет хорошо, другого быть не может. У нас нет даже мысли...

Она так и не договаривает, о чем именно у них нет мысли.

В соседнем кресле химиотерапию проходит Зинаида - полная пожилая женщина. За спинкой ее кресла стоит мужчина в коричневой кожаной куртке с "развесистыми" подплечниками - такие носили в перестройку. Так и есть: Зинаида с мужем - эмигранты перестроечных времен. Их обоих сложно заподозрить в наличии даже самых отдаленных еврейских корней. Все в их облике напоминает о России, и голубые кожаные кресла кажутся единственным свидетельством того, что мы в Израиле.

- Да шо вы говорите?! - обращается ко мне Зинаида, хотя я еще ничего не успела сказать. - Тут "химия" бесплатно. Сидишь себе, а тебе кушать приносят. Кушать - представляете?! Кофе и чай - тоже бесплатно. А там все покупать надо. Там каждая салфеточка денег стоит... Ой! Да шо вы говорите?!

- Вы не обижайтесь, - говорит муж Зинаиды. - Мы же безо всяких прикрас...

- И такси оплачивают, и мужа кормят, - продолжает Зинаида, - и посылки присылают, и шоколадные конфеты, и всякие дорогие лекарства в эту потребительскую корзину добавляют. Да о чем тут говорить?!

- А вы считаете, что главное - это корзины-посылки-конфеты? - спрашиваю я.

- Нет... Главное - поддержка, - совсем другим тоном отвечает она. - Я сразу как узнала, заплакала, а потом думаю: а чего? Вон женщины говорят, что 10-15 лет с болезнью живут. Я сразу успокоилась: мне больше и не надо... И в России пусть не боятся - там тоже лекарства хорошие есть. А здесь... Менталитет, конечно, другой. Тяжело... Мы ж немножко не так воспитаны, они ж совсем другие люди.

Когда я уйду, муж Зинаиды просит меня передать привет Украине. Я туда не еду, но все равно обещаю.

У доктора Улицкой жгучие черные глаза и жемчужные серьги. Она никогда не скажет пациенту больше того, что он сможет вынести. Если он способен взвалить на плечи и нести груз знания, она рассказывает ему все. И большинство, как Эдуард, находит в себе силы.

- В России врачи душевнее, - говорит Улицкая. - Я уверена, что русские хирурги - самые лучшие в мире. Им мешает отсутствие средств, ну и всего остального, всего... что вокруг...

Концепция неверная, сказал бы Израиль Иванович. Здесь в больницах не знают, что такое стафилококк, врачи ходят без халатов, а посетители - без бахил. Сюда можно прийти всей семьей и в любое время - никто не выгонит. Здесь поддержка родственников - важная часть лечения. Здесь все готовы подставить тебе плечо, если ты заболел. Потому что ты не умираешь. Потому что ты нужен. А если бы был не нужен, разве тобой бы занимались? Разве тратили бы на тебя деньги?

- У Эдуарда метастазы в печени? - спрашиваю я.

- Да, - отвечает Улицкая. - Но у меня есть для него и хорошая новость: мы проведем химиотерапию, и есть шансы, что метастазов станет меньше.

- Какие у него шансы?

- Этого не знает никто, кроме Бога... - мне кажется, что ее жемчужные серьги тоже смотрят на меня.

Выходя из ее кабинета, я почти сталкиваюсь на пороге с Эдуардом. Сейчас она объявит ему диагноз. Мы встречаемся глазами, и я чувствую, что там, под рубашкой, у него защемило.

Два веселых доктора

В полвосьмого утра я сижу в кабинете заведующего онкологическим отделением больницы Сорока в Беэр-Шеве. Чернобородый доктор Уилли, председатель профсоюза онкологов, говорит со мной на чистом русском языке. Переливы его интонации в точности передают голос, каким рассказывают еврейские анекдоты. Доктор Уилли с Западной Украины. А его сидящий здесь же коллега доктор Игорь - невысокий человек с уже обозначившимися залысинами и грустными голубыми глазами - из Узбекистана.

- Игорь, - обращается к сослуживцу доктор Уилли, - так не было ж в Союзе такого, чтобы пациенту говорить, что у него рак? В Союзе директор завода умирал, и на его место приходил новый. А в Америке сотни людей в такой ситуации могли без работы остаться. Там говорили - чтобы человек успел финансовые нюансы уладить. А в Израиле врач по закону обязан сообщить.

- Но не все хотят знать, - замечает Игорь.

- Так для чего законы пишут? Чтобы их обходить. Старая советская поговорка.

Оба смеются.

- Если человек слабый, зачем же его морально добивать? Все равно кто-то знает: жена, дети. Такого нет, чтобы просто пациенту голову заморочить. А завтра, - доктор Уилли прыскает, - завтра ко мне придет турист из Ставрополя, который хочет купить лекарство на год вперед. Ты его знаешь, Игорь. Я говорю: зачем? Каждый укол стоит 500-700 долларов. Он отвечает: не в деньгах дело, там мне продадут подделку. А другая знакомая из России - ей дома капали очень токсичное лекарство. Почему не в больнице? Говорит: не уверена, что, если я туда его принесу, мне его же и вольют. А вы Медведева вчера слушали? Говорит: первая задача правительства - все эти коррупция, подделки... А никто же ж ему не верит! - доктор Уилли заходится смехом.

- Там, в коридоре, кто-нибудь ждет диагноза? - спрашиваю я.

- Да, - отвечает доктор Уилли. - Сидит там один, с ужасом ждет приговора.

- Что вы ему скажете?

- Что есть, то и скажу... Я буду знать его точный диагноз через пару минут. Конечно, он в шоке. Ему семьдесят лет. Я ему скажу: "Я тебе еще десять лет гарантирую".

- А он через год умрет от инфаркта, - вставляет Игорь, и оба хохочут.

- Главное, - доктор Уилли давится смехом, - главное, чтобы не умер от инфаркта, когда я ему это сообщу.

Он смотрит в компьютер.

- Нету у него ничего. Пусть тогда еще посидит... Простите, оказывается, ему восемьдесят семь лет, - оба снова покатываются.

- Приходит к вам пациент, - рисую я картину. - Ему страшно, он плачет... А вы тут смеетесь...

Реакцией на мои слова вновь оказывается хохот.

- "Доктор, я умру?" - отсмеявшись, говорит доктор Игорь. - "А как же!"

- Нет! Нет! - кричит доктор Уилли, утирая слезы. - "Доктор, я ходить буду?" - "Конечно! Под себя!"

- "А плавать?" - добавляет Игорь.

- "Это зависит от того, сколько будете ходить!" - веселым хором заканчивают они.

- Что вы смеетесь?! Это что, так весело?!

- Ничего веселого, - говорит доктор Уилли. - Надо быть фаталистом. Умирать - так с музыкой... Они знают, зачем сюда пришли. Пациент заходит, и я первым делом спрашиваю: "Ты знаешь, где находишься?" Он: "Да". И диалог переходит в другое русло: какие шансы на излечение, сколько лет проживет, тяжелое ли будет лечение. И надо все объяснить, ответить на все вопросы... Тогда он спрашивает: "А есть ли смысл?" И я отвечаю: "Смотри, ты сейчас вот здесь, - доктор показывает пальцем точку на столе. - Жить тебе вот досюда, - другим пальцем отмеряет отрезок сантиметров в пятьдесят. - А не будешь лечиться, так вот досюда", - второй отрезок не больше пяти сантиметров. - Был у меня один судья. Очень тяжелая форма рака. Как-то сидим вместе, а он мне и говорит: "Слушай, раньше я брал домой дела из суда и в день выносил десять приговоров. А теперь с трудом могу написать один". Я ему ответил: "Я в жизни не читал книг интересней воспоминаний судей". Он был человек интеллигентный. Ответил: "Спасибо. Я все понял". Он умер через неделю, но успел уладить все дела... А вот мемуаров написать не успел! - доктору Уилли снова смешно.

- Опять смеетесь? Вам их не жаль?

- Этот смех не дается легко. Жаль... Кого как... Если он приходит к вам, а ему восемьдесят семь... В конце концов, от чего-то же должен человек умереть... Есть тут у меня одна книга, привез еще оттуда, - доктор Уилли достает из шкафа тоненькую книжку с пожелтевшими страницами. Видно, что ее читали много раз. Почти на каждой странице фразы подчеркнуты, на полях пометки. - Лихтенштейн. "Помните о пациенте". В Москве вы эту книгу не купите: она издана в Киеве, а у вас сейчас отношения с Украиной хуже, чем с Израилем. Ха-ха-ха!

- Сейчас эту книгу и в Киеве нельзя купить, - веселится доктор Игорь. - Она написана на русском!

После этого замечания они снова надолго раздражаются хохотом.

- "Врач должен бороться за здоровье и жизнь больного... - читаю я вслух первую попавшуюся фразу. Врачи перестают смеяться, - пока остается хоть малейшая надежда. И поддерживать эту надежду в больном".

- Правильно, - тихо говорит доктор Уилли. - Вы еще выше прочтите.

- "У врачей бывают отвратительные дни и часы, не дай Бог никому этого, - читаю я. - Среди врачей, правда, не редкость невежды и хамы, как и среди писателей, инженеров и вообще людей. Но те отвратительные часы и дни, о которых я говорю, бывают только у врачей, и за сие, говоря по совести, много им простить должно".

Врачи молчат, и я прощаю им их смех и анекдоты.

- Такие моменты бывают... - говорит доктор Уилли. - Пацан... тридцать лет... умирает. В коридоре его жена плачет... А дома трое маленьких детей... Но я не скажу, чтобы это довело меня до инфаркта, - вдруг весело заявляет он, подавляя тяжелый вздох.

И за этот вздох я прощаю ему то, что он лишь приподнял свою маску, но не захотел сбросить ее.

- Я не знаю, как в России, - говорит он. - Я родился в СССР, в стране, которой уже нет... Я там жил неплохо, я

не жалею. А хаять всегда легко...

- Почему же вы уехали? - спрашиваю я.

- Еврейская кровь, - говорит Игорь. - Предчувствие развала...

- Не скучаете?

- По времени или по месту? - уточняет Игорь. - По времени скучаю. Запомните: ностальгия - это не тоска по прошлому, а тоска по самому себе...

Определение жизни

- Что! Что вы хотите?! - резко спрашивает доктор Игорь и прислоняется головой к стене. На стене - звездное небо, девочки и мальчики держатся за руки. Они нарисованы синей краской. В груди у них сердце, в голове звезда.

- Моя мама умерла от рака, - мягко говорит он. - Ее прооперировали там, в Песочном, в Ленинграде. Тогда сделали все, что только можно было. В девяносто первом у нее обнаружили метастазы. Мы приехали сюда. Доктор Уилли - он был ее лечащим врачом. Она прожила пять лет... Процесс уже был в такой стадии... Но она жила! Понимаете?! Жила!.. А за три дня до смерти она подошла к папе и сказала: "Я пошла умирать"...

Он стоит в белом халате, прислонившись головой к стене так, будто очень устал, у него дрожат веки. Маска спала.

Мы заходим в палату. На кровати сидит маленький мальчик с перекошенным лицом. Он играет на ксилофоне. У него на груди образ Девы Марии. Доктор Игорь берет палочку. "На танцующих утят быть похожими хотят, быть похожими хотят не зря, не зря" - отстукивает он. Кирилл смеется.

- Ты хочешь стать музыкантом? - спрашиваю я.

- Нет, водителем, - отвечает он.

- Так ты можешь просто свою машину водить.

- А деньги на машину? А деньги-то где взять? - Кирилл подносит ладони к перекошенному лицу и смеется.

Доктор Игорь останавливает меня в коридоре.

- Слушайте... Онкология тяжела морально, - горько

говорит он. - А детская онкология невыносима. Понимаете? Сейчас идет борьба за его жизнь. У него опухоль. Операция в Ханты-Мансийске закончилась параличом нервов. Надо уметь бороться за жизнь детей... Знаете, кто выжил в Аушвице? Те, кто не сдался. Поставившие на себе крест умерли. Надо идти ва-банк. Никто не имеет права определять судьбу больного.

- Но кто-то же определяет?

- Всевышний. Высший дух - как хотите, у каждого своя интерпретация.

- Почему в Израиле так? Есть ведь закон природы: слабые умирают, сильные выживают. Старый больше ничего не может дать обществу. А в недоношенного младенца тут вкладывается больше, чем он сможет потенциально отдать в будущем.

- Вы это не от себя говорите, - вздыхает доктор Игорь. - Хотите философствовать - пожалуйста. Мы не вправе решать судьбы больных. Мы должны помочь им справиться с болезнью, а судьбу их решит Всевышний.

- Это из-за Холокоста?

- Вот вы и подвели, к чему хотели. Да, из-за Холокоста. Здесь очень не любят слово "селекция". Это уже в генах - спасать слабых. Мы не хотим становиться на одну ступень с теми, кто уничтожал евреев.

- Но Россия тоже не стоит на этой ступени, значит, речь идет о целой лестнице. Наверное, мы занимаем какую-то промежуточную ступень между вами и теми... кто уничтожал.

- У общества должны быть материальные ресурсы. Можно иметь самые лучшие намерения и - никаких

средств для их реализации.

- Так все же, что определяет в земном смысле судьбу больного?

- Профессионализм врача... Гуманность общества... Материальные ресурсы и... прошлое.

Из палаты мы слышим переливчатый, как ксилофон, смех Кирилла.

- Ах, сионисты! - ругается Израиль Иванович, ведя машину в сторону Негев. - Опять дороги раскопали. Как выборы, сразу начинают что-то строить, сажать... У меня появилась идея создать общественное движение за ежегодное проведение выборов. Только бы они строили.

Он разворачивает машину в неполюженном месте, приговаривая: "Не согрешишь - не покаешься, а не покаешься - какой же ты верующий?"

Я думаю о докторе Уилли и докторе Игоре с их бородатыми анекдотами и советскими чувствами. Они, словно тени в раю, - люди, потерявшие прошлое и родину, которой больше нет даже на карте. Я вспоминаю больничные палаты, которые с каким-то остервенением показывал мне доктор Игорь: "Это не для блатных. Это - стандарт". И скорбные складки у губ пациентов.

Израиль Иванович останавливает машину в песках, и мы идем куда-то вниз. Там зеленый сад. Мы заходим в него. Я бросаю вопросительный взгляд на Израйла Ивановича. Он указывает мне на вход. И я читаю: "Памяти Ривки Левин посвящается".

Автор: Марина Ахмедова   © Русский репортер   ОБЩЕСТВО, РОССИЯ   👁 3020   04.04.2009, 19:52   📌 104
URL: <https://babr24.com/?ADE=76614>   Bytes: 27290 / 27047   Версия для печати

👍 Пореккомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читай те эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Марина
Ахмедова.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: kasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)